

Алекс Кама

я - Человек!

Часть 1. “Фашист”

фантастический роман

18+

Алекс Кама

Я – Человек! Часть 1. Фашист

«Автор»

2023

Кама А.

Я – Человек! Часть 1. Фашист / А. Кама — «Автор», 2023

Однажды, в привычном нам мире, случается невероятное - воспитанный на фашистской идеологии человек получает способность переселять свое сознание в тела других людей, убивая при этом астральное тело донора. Он становится бессмертен и поднимается над социумом. Реакция иммунной системы мироздания на такой антиген неизбежна - она создаст антитела и вереницу событий, которые сведут их вместе.

© Кама А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Узник.	5
Глава 2. Начало.	14
Глава 3. Карцер.	21
Глава 4. Первые шаги.	23
Глава 5. Астрал.	28
Глава 6. Таймер.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алекс Кама

Я – Человек! Часть 1. Фашист

Глава 1. Узник.

За дверью слышались шаги и железная створка маленького, окошка на массивной двери со скрипом распахнулась. Генрих поднялся с кровати и подошел к окошку.

Вроде еще не время ужина, кого там принесло? Когда проводишь целые дни лежа на матрасе, набитом соломой, разглядывая редких мух, залетающих сквозь решетку, то любое событие, случаемое в этом замкнутом мирке камеры смертников, должно разнообразить существование узника. Так думали его тюремщики. С одним ему даже удалось подружиться.

Отто, молодой парень, исполнительный охранник, еще не испорченный долгими годами работы в этом каменном мешке. Отто еще не перестал видеть в заключенных живых людей и мог вот так, пока начальника нет на этаже, открыть окошко и поболтать с Генрихом просто так, о погоде на улице или справиться о его здоровье. Вот и сейчас, заведя в проеме зеленую форму тюремщика, Генрих собрался уже завести разговор о событиях на воле, как Отто перебил его:

– Добрый день, арестант, я тебе хорошую новость принес!

– Что случилось, Отто? Тебя повысили в звании?

– Нет, сегодня после ужина к тебе поселят соседа – Отто смеется – Будет с кем в слова поиграть!

– Соседа!? Как? Зачем? Не надо мне никого! – Генрих почувствовал недоброе в этом известии.

– Отто, погоди, зачем мне кого-то подселяют?

– Генри, я тут ничего не решаю, это приказ Директора.

– Так скажи Директору! Не надо мне никаких соседей!

– Еще чего. Директор и так не одобряет то, что я с тобой общаюсь. А то, что подселяют, так потому, что «Белый Остров» не такой уж и большой, чтобы всех вас держать в отдельных апартаментах. Вон в соседнем корпусе и по шесть человек в одной камере сидят и ничего. Уживаются.

– Но ведь я не все! Мне никто не нужен!

– А кто ты, Генри? Чем ты лучше других? Тем, что отсоветовал Директору проклятый дом покупать? Надо бы еще разобраться, откуда ты узнал про него. Ты такой же заключенный, как и все! То, что Директор когда-то пошел тебе на уступки, так только потому, что пустующие камеры были. А теперь нет. И не спорь, все равно уже ничего не изменить. Все! Жди ужина!

Окошко с лязгом захлопнулось. Да, известие неприятное. За семь лет, проведенных на «Белом Острове», в камере для осужденных пожизненно, Генриху удавалось удачно избегать неприятных соседей.

За все это время в его камеру соседа подсаживали лишь один раз. Это был немолодой датчанин, учитель младших классов – педофил и убийца. Худой, тщедушный, с блестящей лысиной, в круглых очках с простыми стеклами и постоянно трясутся руками. Генриху было непонятно, почему этого, психически нездорового человека, осудили пожизненно, а не отправили на лечение в клинику. Но в таком месте соседей выбирать не приходилось, и первое время Генрих мирился с его присутствием. Датчанин только спал и читал библию, видимо, так осваивался на новом месте. Никакого интереса к соседу не проявлял, и Генрих, убедившись в его безобидности, мог снова начать медитировать.

Глубокая медитация, которая нужна была Генриху как воздух, подразумевала полное отключение от материального мира, так как он оставлял свое физическое тело, отправляясь в астральные путешествия. Наличие каких-либо соседей, в непосредственной близости к оставленному беззащитному телу, в это время, вызывало сильную озабоченность.

Пока датчанин-педофил штудировал библию и не разговаривал с соседом, он еще кое-как устраивал Генриха, но через неделю-другую датчанин освоился и начал задавать вопросы, без спросу рассказывать о себе и, что самое неприятное, мог подойти и запросто потрясти его за плечо, если ему вдруг что-то захотелось рассказать, а Генрих лежал с закрытыми глазами.

Однажды, вернувшись из астрального путешествия обратно в свое тело, он застал склонившимся над собой тюремного врача и обеспокоенного Отто. Как оказалось, датчанин, решив поделиться очередным своим воспоминанием с Генрихом, подошел и попробовал его разбудить. Так как пустая оболочка тела на ощупь выглядит, как неуспевший остыть труп, то датчанин, который своими руками лишал людей жизни, сразу смекнул, что тут что-то не то и бросился барабанить кулаками в дверь, крича: «Помогите! Он умер сам! Я его не убивал!» Встревоженный Отто вызвал тюремного врача, и в этот момент Генрих вернулся.

– Как Вы себя чувствуете? Следите за моим пальцем! – тюремный врач посчитал пульс, убедился, что у арестанта все в порядке.

– Что это с ним было, доктор? – Отто тоже успел почувствовать, что это был не просто сон. Однако Генрих поспешил успокоить всех:

– Нет, нет, все нормально, я просто очень крепко уснул, извините за беспокойство.

Не хватало, чтобы охрана заподозрила что-то и стала более пристально наблюдать, или, не дай бог, переведут в больничный бокс, а там вообще никакого покоя не будет. С соседом нужно было что-то делать, чтобы такого больше не повторилось. Датчанин хоть и выглядел довольно начитано и служил в «прошлой жизни» учителем в школе, но все равно своей набожностью не производил впечатления человека, способного понять, чем в действительности Генрих занимался в камере.

Генрих давно мечтал встретить человека, способного понять и разделить с ним ту глубину интересного и прекрасного, которую дает освоение астрального мира, многомерного и нематериального, без чувств и эмоций, основанного на информационных потоках, чистого и безупречного. Но чем дальше он продвигался в освоении астрала, тем яснее он понимал, что вряд ли в его окружении найдется человек, способный понять хоть часть того, с чем приходилось сталкиваться Генриху в своих путешествиях.

Трудно такое объяснить, это сможет понять только тот, кто сам владеет техникой выхода, а овладев таким знанием, человек перестает быть простым смертным. Такие люди стояли вне общества, они имели истинные знания о природе вещей и на основании этих знаний имели возможности на эти вещи влиять. Таких людей Генрих встречал во время экспедиции в Тибет, но никогда не сталкивался ни с кем подобным у себя дома, в Германии. Один из таких, тибетский маг, и был причиной того, что Генрих уже седьмой год обживал камеру в тюрьме для осужденных пожизненно – «Белый остров».

На некоторое время пришлось прекратить медитации, но долго это продолжаться не могло, Генрих не мог останавливаться в развитии. Что-то объяснять полоумному педофилу, который задушил свою ученицу, не имело никакого смысла. Если бы он даже и понял, что ему говорит Генрих, скорее всего, он бы счел его сумасшедшим и рассказал бы все охране, а вот этого допустить было нельзя. Техниками гипноза Генрих в совершенстве не владел, чтобы, например, просто усыпить датчанина. Да всегда как-то обходился более жесткими методами.

Людей ему никогда жалко не было, тем более, что Генрих знал, что, убивая человека, он отпускает его астральное тело в истинную свободу. Да и убивал он легко и безболезненно, ментальным ударом выбивая душу из физического тела. Генрих понимал, что во время такой смерти человек просто вдруг осознает, что тело исчезло, потом приходит понимание что ты –

воздух, и все это приносит огромное облегчение, так как в астральное тело не ощущает чувств, эмоций и боли.

Смерть от Генриха несла за собой безмятежность и спокойствие и, зная это, Генрих часто дарил ее окружающим, пока тибетский маг не остановил его.

Генрих и сейчас мог бы применить свои умения и легко превратить «Белый остров» в кладбище, но делать этого, конечно же, он не будет. Он хорошо усвоил урок тибетского старика, больше он не будет никого убивать без необходимости, чтобы не привлекать к себе внимание. Он знает способ, как выйти отсюда. Он выйдет не как арестант, а как нормальный человек и будет жить среди людей не изгоем, а нормальным человеком, не скрываясь и радуясь всем благам, которые дает жизнь. Он снова будет видеть красоты внешнего мира, и наслаждаться каждой эмоцией, каждым нервным импульсом, которые дарит физическое тело. Но чтобы все это вернуть, нужно еще время, нужны ежедневные медитации, в которых он все дальше и дальше продвигался в своих познаниях и поражался вновь открывающимся горизонтам.

– Молодой человек! – датчанин хотел что-то сказать, но Генрих щелкнул пальцами, посылая в его сторону ментальный удар, тело педофила вздрогнуло и обмякло на кровати. «Гм, ну вот, почти восстановился» – сам себе улыбнулся Генрих. За последние несколько лет ему не доводилось выбивать дух из людей, после того, как тибетский гуру обезоружил его, это умение он восстанавливал долгими медитациями, а попрактиковать мог только на собаках, которых тоже нельзя было убивать без опасения вызвать подозрения. Он убил двух овчарок во внутреннем дворе, охрана списала их смерть на чумку, но больше рисковать было нельзя. Генрих переключился на крыс, но эти твари оказались на редкость умными и моментально исчезли из его поля зрения. Вот как природные инстинкты спасают жизни в животном мире, Генрих решил поискать информацию в информационном поле астрала. А вникнув, впитав это знание в себя, долгими ночами медитаций, понимал, что теоретически становится еще сильнее, чем раньше, вот только практики маловато...

Вот, попрактиковался на педофиле, и тогда его смерть списали на сердечный приступ, и никто ничего не заподозрил.

«Белый Остров» – не был для Генриха, как для остальных, «последним прибежищем». Генрих точно знал, что уйдет отсюда, а пока это можно было назвать даже весьма удобным местом для восстановления и совершенствования своих способностей. Кормили тут довольно неплохо, кровать, туалет, душ, чистая одежда, книги по желанию, какие можно было достать в ближайшем городе. Обслуживающий персонал относился к Генриху хорошо, за время своего пребывания тут он произвел на всех впечатление интеллигентного, образованного человека, с каким-то легким налетом чего-то мистического. Он был осужден за убийство нескольких человек в Тибете, но доказательства его вины и обстоятельства тех убийств были какими-то расплывчатыми и непонятными для коренных европейцев. Большинство считали его пострадавшим винтиком военной машины третьего Рейха. Винтиком, потому как пока Гитлер утюжил танками Европу, ученые мужи Германии по заданию *Ahnenerbe* отправились на другой край планеты, в Тибет, не убивать, а изучать и исследовать. А то, что кто-то там, на другом конце планеты умер, так это слишком далеко, да и блекло на фоне Второй Мировой войны. Но этот человек носил форму СС и, значит, был военным преступником, каким бы интеллигентным он ни казался.

Единственное, что требовалось Генриху, это чтобы не мешали. Его полностью устраивала одиночная камера, в которой он мог, приняв удобную позу на соломенном матрасе, оставлять свое тело в тишине и отправляться блуждать по эфиру в поисках крупиц информации, которые потом в долгих часах медитаций он складывал в замысловатую мозаику знаний, недоступных простым смертным. План, по которому ему предстояло пройти, чтобы покинуть «Белый Остров», он уже сложил в голове, но для его реализации требовался покой и одиночество медитаций.

Астральные путешествия занимали много времени, астрал был для Генриха бескрайним многомерным океаном, всю глубину которого он с каждым выходом понимал все больше, и все больше убеждался, как мало он про него знает. Он уже знал, что в этом океане можно перемещаться не только в тех измерениях, в которых движется физическое тело, но и в каких-то, неведомых ему, но старался не заходить далеко в этот океан, всякий раз оставляя себе проверенную дорогу назад.

Путешествие по внешнему миру он освоил еще в детстве, мог, оставив свое тело, «слетать» посмотреть, что делается в соседней комнате, и теперь это простенькое знание, ему часто помогало. В первую же ночь, как его привезли на «Белый Остров», Генрих, оставив свое физическое тело, облетел остров по кругу и осмотрел окрестности.

Тюрьма представляла собой небольшую старинную постройку на острове в северном море. Раньше это строение было старинным мужским монастырем, по каким-то причинам покинутым монахами, и переделанным предприимчивыми властями под тюрьму для смертников. Между островом и материком был сооружен длинный, узкий, каменный мост, разделенный на два этажа – сверху пешеходная часть, внизу – узкоколейная железная дорога, по которой на остров доставлялись уголь и продукты. Это была единственная дорога, по которой узники и тюремщики попадали на остров, и по которой происходило снабжение тюрьмы. Со всех сторон островок окружали голые скалы, уходящие отвесно в вечно бушующее штормами море. Даже чаек и бакланов не было видно над этим, забытым богом, местом. Внутри, за каменными стенами, в каменных мешках, доживали свой век арестанты, осужденные на пожизненное заключение, а с другой стороны стен коротали свой век тюремщики и рабочие обслуги. Они топили котельные, готовили еду, стирали, возили на больших вагонетках уголь и провизию с материка. А, вечером, закончив рабочий день, возвращались в поселок на берегу, где жили в небольших, деревянных домиках. Наблюдая за этими людьми, Генрих видел, что различие между ними заключалось часто лишь в том, что одни чувствовали себя пожизненно заключенными, а другие нет, хотя и те, и другие проводили свои дни на одном же острове.

Генрих не чувствовал себя заключенным, он мог путешествовать по миру и не выходя из камеры, поэтому и производил впечатление человека свободного, возможно поэтому Отто и другие охранники часто разговаривали с ним, как с равным.

Как-то, еще когда они только познакомились, в разговоре Отто упомянул, что Директор, так они называли управляющего тюрьмы, самого влиятельного человека в округе, собрался покупать большой дом в поселке. Дом этот достался после войны в наследство женщине, живущей в Европе, и она решила от него избавиться за небольшую цену. На дом уже есть желающие, но в этом поселке Директору никто, конечно, против ничего не скажет. Генрих решил в тот вечер слетать посмотреть, что это за дом.

Вечером он перебросил свое астральное тело через пролив, начал двигаться к поселку и, вдруг, почувствовал, нет, не почувствовал, ведь в астрале нет эмоций, а получил прямое указание: «не приближайся или умрешь!» Это указание исходило от большого, темного дома с черепичной крышей и башенками, по описанию как раз того, который и хотел купить Директор. Генрих не стал приближаться к дому, но, разглядывая его издалека, он чувствовал, нет, не чувствовал, а понимал, что кроме этого предупреждения на него цепляется и как бы прилипает еще какая-то информация. Вернувшись обратно в тело, он погрузился в медитацию и начал разбирать тот ворох астральной информации, который он притащил с прогулки в поселок. Информации было много, она вся была темная, обрывочная, как перемешанные части мозаики, и из этих обрывочных крупиц Генриху, за несколько дней медитаций, удалось собрать картинку, которую уже можно было анализировать и делать выводы.

Как он понял, в этом доме жила зажиточная семья рыбаков. Отец и несколько сыновей ходили на промысел в море, привозили лодки полные трески и скумбрии и сбывали рыбу на рынках города. Это была большая дружная семья, они были счастливы в этом мире, пока не

пришла война. Мужчины погибли все почти в одно время. Мать умерла от горя, когда, в один день, получила похоронки на мужа и всех сыновей. Ее физическое тело не смогло вынести этих страданий, но в астрале нет эмоций, и она все еще ждет их возвращения в этот дом, потому что не видела их мертвыми.

Генрих понял, что призрак не пустит никого, кто бы мог посягнуть на его былое счастье. Этот дом принадлежал счастливым людям, и он будет принадлежать им всегда. Видимо, прижизненные душевные страдания, а может любовь, придали призраку небывалую силу. Генрих понял, что его приближение призрак видел и был готов убить его, нераздумывая. С такими явлениями Генриху приходилось сталкиваться в Тибете, но там призраки были астральные, без человеческого начала, а тут... Анализируя то, что удалось узнать, Генрих заметил еще одну особенность: он понял, что дом будет принадлежать этой семье всегда. Значит, заглянул в будущее? Путешествия в океан астрала становятся все дальше и уже затрагивают время? Что ж, хорошо.

На радостях от таких продвижений в освоении нереальности, Генрих в разговоре с Отто сказал:

– Зря Директор покупает этот дом. Уверен, он об этом пожалеет.

– Ну что ты говоришь, откуда ты можешь знать? – Отто хоть и не дождался ответа, но на следующий день, в разговоре с Директором, передал ему слова Генриха. Директор читал дело Генриха и знал о его причастности к Ahnenerbe, поэтому отнесся к его словам неожиданно серьезно – он отказался покупать этот дом.

Дом купил приезжий французский промышленник, бизнес которого унесла война, и который решил доживать свой век в тихом местечке на берегу моря. Но тихо дожить у него не получилось. Как говорили потом, через некоторое время он сошел с ума, сжег этот дом и сам погиб в этом пожаре.

После этого случая Директор посетил Генриха. Он вошел в камеру в сопровождении охраны, не здороваясь и ничего не говоря, с минуту стоял, молча смотрел на Генриха, а потом неожиданно сказал:

– Я хочу отблагодарить. Чего ты хочешь?

Генрих на секунду растерялся и ответил:

– Отдельную камеру.

– Хорошо, будет. Спасибо.

Директор вышел, и с тех пор Генрих жил в одиночке почти шесть лет, если не считать случая с датчанином-педофилом. Его все устраивало, путь был уже намечен, освоение астрала двигалось полным ходом, и тут Отто со своим «приятным» известием! Черт! Скоро уже ужин, Генрих почувствовал непонятное волнение. Странно, вроде, редко когда волновался, видимо, привычка остается от путешествий по астралу. Ведь там нет эмоций. Нет ощущений, нет чувств, нет ничего, только информация.

Все ощущения, которые испытывает человек, чувства, эмоции, запахи, осязание – это лишь импульсы электронов в нервных волокнах, раздражающие клетки головного мозга, которые и дают представление об испытанном чувстве. В астрале физического тела нет, поэтому нет и никаких событий, связанных с импульсами в нервах, там просто бесконечное спокойствие и нирвана. Поэтому путешествия в астрал чреваты невозвращением. Человек, впервые попавший туда, воспринимает его как рай. Абсолютное спокойствие, из которого никуда не надо спешить, зачем? Чувств нет, эмоций нет, никаких раздражителей, только спокойствие. И остаются там незадачливые путешественники, пока не умрет физическое тело, и получается, что для многих выход в астрал – это билет в один конец. Но не для Генриха. Еще в детстве он освоил технику выхода из тела и тогда сразу понял, что нужно заставлять себя возвращаться. С годами тренировок он уже настолько легко ходил и возвращался из таких глубин, что даже ему приходилось потом подолгу медитировать, чтобы разобраться, где же он был, и какие кру-

пинки информации ему удалось притащить на себе. Астрал научил его не волноваться. Даже когда убивал, он не испытывал особых эмоций, а тут известие о соседе волнует?

Железная створка на двери брякнула и со скрипом отворилась. В проеме показалось лицо охранника, и он произнес:

– Отойди и повернись лицом к стене!

Генрих повиновался, повернулся и оперся ладонями в стену. Сзади открылась дверь, послышалась возня, и чье-то тяжелое дыхание известило о том, что в камере стало на одного арестанта больше. Дверь с грохотом захлопнулась, и Генрих обернулся. «Нет, это не человек» – почему-то сразу подумалось Генриху, глядя на здорового, под два метра ростом, рыжего детину.

Детина, с дебильным выражением на конопатом лице, ухмылялся гнилыми желтыми зубами, разглядывая нового сокамерника. Подмышкой у него был свернутый в рулон соломенный матрас, а в руке грязный холщевый мешок, видимо, с личными вещами. От него сильно воняло чесноком и немытым телом. Одет он был в матросские шаровары и лоснящуюся от грязи жилетку, на голых ногах растоптанные кожаные ботинки. Крепкие руки, покрытые рыжими кудрявыми волосами, были по плечи изрисованы расплывшимися татуировками в виде якорей и цепей.

Оглядев Генриха с головы до ног, он подошел к нему и сунул ему в руки свой матрас, а потом, не говоря ни слова, завалился на кровать Генриха прямо в грязных ботинках.

– Может, сначала познакомимся? – опешил Генрих, он положил матрац на вторую, не заправленную койку, и повернулся к соседу.

– Ты, держись от меня подальше, могу пришибить ненароком! – детина загоготал, обращаясь к Генриху, и потом крикнул басом в сторону двери:

– Есть хочу! Когда там пайку принесут? Эй, охрана!

Генрих вдруг понял, почему известие о соседе его так встревожило. Он сел на свободную койку и закрыл лицо руками. С одной стороны его радовало, что он так научился заглядывать в будущее и предчувствовать грядущие события, с другой стороны, этот новый сосед мог стать реальной проблемой для Генриха. В том, что соседа придется убить, Генрих не сомневался. Договориться или вообще как-то построить диалог с таким мужланом никак не представлялось возможным. Судя по поведению этого рыжего, интеллекта в его голове ноль, а если он еще и агрессивный? Надо расспросить Отто, кто он и за что тут. Может, его посадили в эту камеру ненадолго? Общаться с дебилом, который сейчас лежал на его кровати, ковыряя в носу и вытирая пальцы об одеяло, у Генриха не было никакого желания. Этот сосед и был реальной опасностью, не предусмотренной планом.

Ведь если у этого дегены случится сердечный приступ, как тогда у педофила-датчанина, Директор может догадаться о неслучайности этих событий. А прибавив сюда информацию о проклятом доме, которая взялась неизвестно откуда, мог вполне сделать вывод о паранормальных возможностях Генриха. Тогда можно было ждать что угодно. Воображение рисовало пожизненное заточение на дне колодца, куда еду спускают в ведре на веревке, в каменном мешке, закрытом от всех людей, которым Генрих мог принести смерть простым щелчком пальцев.

Цепочка событий могла завести Генриха в такие обстоятельства, из которых выбраться уже было гораздо труднее, а, может и невозможно.

Рыжий лежал на кровати Генриха, не обращая на него никакого внимания, Генрих тоже предпочел молчать, сидел, закрыв лицо руками, и размышлял. Наконец, за дверью послышался грохот железной тележки, на которой развозили ужин, и окошко на двери со скрипом распахнулась. В него подали две алюминиевые миски, наполненные кашей, и две деревянные кружки с чаем. Генрих встал, взял в окошке хлеб и чай, а рыжий бодро соскочив с койки, схватил обе тарелки. Он вывалил кашу из одной тарелки в другую, а пустую тарелку выбросил в угол.

Потом подошел к столу, забрал весь хлеб, подвинул к себе обе кружки с чаем, и, усевшись прямо на стол, начал, громко чавкая, уплетать кашу.

– На, жри! – рыжий кинул Генриху кусок хлеба.

– Только там жри, а не тут! – показал он грязным пальцем на пол возле кровати.

Генрих есть не хотел, и ему вдруг стало весело. Он знал свои возможности, и рыжий для него особой опасности не представлял, он наблюдал за этим грязным, вонючим, монстрообразным детиной и удивлялся, насколько человек, венец природы, может уподобиться животному. Рыжий доел кашу, громко рыгнул, уставился на Генриха пустыми бледными глазами и потом рывкнул:

– Что, девочка, развлечемся!?

Ждать и терпеть унижения дальше смысла уже не было. Генрих глубоко вздохнул, сконцентрировался и щелчком послал в рыжего ментальный удар, способный выбить душу из любого человека. Рыжий вздрогнул, часто заморгал, потряс головой, потом медленно осел на кровать и вдруг зевнул, широко разинув рот. Он не умер! Генрих, ничего не понимая, щелкнул пальцами еще раз, рыжий поднял на него тяжелый взгляд и проворчал:

– Сейчас я посплю, а после мы с тобой... – и, закрыв глаза, завалился на бок и засопел.

Генрих был ошарашен, не понимая, что происходит. Точно так же тогда, в Тибете, его обезоружил тибетский маг, лишив умения концентрировать удар, и Генрих стал безопасен для людей. Но сейчас Генрих был уверен: никаких посторонних воздействий на него не было! Этот рыжий детишка был не восприимчив к ментальному удару, как будто у него отсутствовало астральное тело! Раньше Генрих даже не подозревал, что могут быть такие люди. Ведь любое живое существо – это душа заключенная в тело-оболочку. Если повредить физическое тело, астральное оторвется от него, и существо умрет. Если нарушить связь между астральным телом и физическим – существо умрет. Эти правила казались Генриху незыблемыми, но этот рыжий монстр их опровергал. Генрих, тяжело дыша, опустился на кровать. «Ментальный удар подействовал на рыжего, как снотворное, похоже, все-таки, я его зацепил» – думал Генрих, значит, астральное тело у него, все-таки есть, просто у него немного другая волна, на которой оно существует. Животные, например, тоже имеют свою «волну» астрального тела, и, чтобы на них воздействовать, нужно было специально настроиться. Ладно, потом, подключившись к информационному полю астрала, нужно будет узнать природу этого феномена, а пока нужно было срочно что-то решать. Рыжий скоро проснется, и Генриху, судя по всему, не поздоровится.

Окошко на дверях со скрипом открылось – Отто пришел забрать посуду после ужина. Генрих прильнул к окошку и быстро заговорил:

– Отто, дорогой, помоги, сделай что-нибудь, убери от меня этого злодея!

– Что случилось, Генри?

– Он отобрал у меня пищу и грозился убить меня!

– Я понял, Генри, я буду наблюдать за вами. Можешь надеяться, в мое дежурство я не позволю ему тебя обижать! Принести тебе поесть?

– Нет, не надо... – Генрих понял, что сделать ничего нельзя, теперь все зависит только от него самого.

– Отто, а что это за тип? Расскажи мне про него?

Отто вздохнул и, взглянув на храпящего Рыжего, начал рассказывать:

– Честно говоря, тебе не очень повезло, это Эрик Якобсон, известный бандит. Много людей в порту покалечил и убивал даже за мелкую монету. Виселица давно по нему плачет, и я не понимаю, что это за суд, который выносит пожизненный приговор такому головорезу. Говорят, он в детстве ходил на китобое юнгой, и однажды, в грозу, ему довелось быть на гротмачте, когда в нее ударила молния. Его тогда еле откачали, но с головой у него с тех пор стало что-то не то. Он абсолютно не выносит, когда ему кто-то перечит. Говорят, тех, с кем он спорил, потом находили прибитыми к берегу прибоем с перерезанным горлом. В общем, суровый тип,

но ты не бойся, у нас и не такие становятся шелковыми. Его лишь вчера прислали на «Белый остров», и я думаю, что через недельку-другую он станет смирным, как и все тут.

Генрих задумался.

– Отто! Окажи, пожалуйста, мне услугу? Я хочу порисовать.

– Ну так рисуй, где твои карандаши?

– Те карандаши, которые у меня были, уже стерлись, принеси, пожалуйста, новые?

– Хорошо, Генри, сейчас уберусь и принесу. Хочешь порадовать нового соседа портретом? – Отто улыбается и закрывает окошко.

«Да уж. Придется порадовать...» – про себя добавил Генрих, отходя от двери.

Неуязвимость рыжего пошатнула веру Генриха в свои исключительные силы. Он считал себя непобедимым среди простых людей и в любой ситуации всегда был спокоен, но то, что происходит сейчас, выходило из-под его контроля. Жизнь преподала ему еще один урок, показала, что нельзя быть абсолютно уверенным. На любую силу найдется соответствующая сила противодействия, и сейчас, чтобы победить и выжить, Генриху предстояло сделать то, чего он еще никогда не делал. Предстояло превзойти самого себя, подняться еще на одну ступень развития. Доказать самому себе, что он смог бы выживать даже без своих паранормальных способностей. «Отступать нельзя, отступить – значит умереть! Или я, или он».

Окошко в дверях опять заскрипело, открылось, и Отто протянул Генриху два остро отточенных простых карандаша и школьную тетрадку.

– Спасибо, Отто, премного благодарен.

– Да ладно, тут у вас не так уж много развлечений. Уж чем могу.

– Спокойной ночи!

Окошко захлопнулось, Генрих сел за стол и задумался. Отступать нельзя, медлить нельзя, надо действовать. Он взял со стола увесистый томик Библии, подбросил его в руке, как бы взвешивая, и подошел к кровати, на которой храпел рыжий. «Так-с... наверное надо его по сильнее усыпить, чтобы, не дай бог, не проснулся» – Генрих щелкнул пальцами, рыжий вздохнул и засопел. «А теперь получи!» – Он взял одной рукой карандаш, его остро отточенный конец вставил рыжему в ухо, затем примерившись, размахнулся Библией и ударил изо всех сил.

Карандаш с хрустом вошел в голову почти полностью, тело рыжего напряглось, изогнулось, и вдруг он открыл глаза и схватил рукой Генриха за горло. Глядя прямо в глаза и хрипя, рыжий сжал горло Генриху, а он, перепугавшись, одной рукой пытался оторвать от себя его лапы, а второй шарил по столу. На столе ему попался второй карандаш и он, схватив его, изо всех сил воткнул его рыжему в горло. Из разорванной артерии в лицо Генриху брызнула горячая струя крови. Рыжий захрипел, рухнул на пол, и его тело задергалось в конвульсиях, поливая все вокруг темным фонтаном крови. Генрих повалился на него сверху и откатился в сторону, тяжело дыша. Все. Он сделал это! Генрих чувствовал, как растекающаяся кровь пропитывает его одежду, но его уже это не волновало, теперь можно расслабиться.

«Да, с датчанином было проще...» – мелькнула мысль, и, видимо, от пережитого выброса адреналина все вокруг закружилось, поплыло, Генрих закрыл глаза, и потерял сознание.

–

– Ге-енрих! Вставай маленький лежебока! – это фрау Марта, супруга управляющего. Мальчик отбросил одеяло, соскочил с постели и, шлепая босыми ногами по теплему от летнего солнца деревянному полу, подбежал к открытому окну. Он перегнулся через подоконник и, глядя на женщину в белом переднике, стоящую на пороге летней кухни, закричал:

– Иду-у!

–

Резкий запах нашатыря ударил в ноздри и Генрих открыл глаза. Дверь в камеру была открыта, в проеме стояли охранники с фонарями в руках и тихо переговаривались. Начальник охраны, щеголеватый тип, с тонкой тростью в руках, шагал по камере, стараясь не наступать

начищенными сапогами на брызги крови. Над распростертым в черной луже телом, склонилась фигура в белом, медицинском халате, а возле Генриха на корточках сидел Отто, с пузырьком нашатырного спирта в руках.

– Он пришел в себя! Генри, ты цел? Что тут произошло?

Генрих вспомнил произошедшее, со вздохом повернулся на бок и закрыл лицо руками. Начальник охраны, разглядывая голову мертвого рыжего, скомандовал:

– Тут произошло убийство! В кандалы его.

Охранники выкрутили руки Генриху за спину и защелкнули наручники.

– Обмойте, осмотрите его и в подвал до утра.

Генриха поставили на ноги, врач ощупал руки и ноги, заглянул под пропитанную кровью рубашку, потом посветил в лицо Генриха карманным фонариком и, приподняв веко пальцем, посмотрел на зрачки:

– Можете уводить.

Подвал представлял собой каменный мешок в подземельях тюрьмы. Его использовали в качестве карцера для провинившихся заключенных. В камерах подвала не было окон, лучи солнца никогда не проникали в эти затхлые подземелья. Мебели в камерах тоже не было. Все, на что мог рассчитывать арестант, это набитый соломой матрац, постеленный на каменный выступ, вырубленный в стене. Этот же выступ можно было использовать и как стол, поставив на него деревянную кружку, так как из еды в карцере давали только чай и хлеб. В стене, со стороны двери, было вырублено еще две ниши. В верхней, забранной железной решеткой, размещалась маломощная электрическая лампочка, скудного света которой едва хватало, чтобы нормально различать предметы в камере. Нижняя ниша использовалась в качестве умывальника и отхожего места. В верхней части ниши была дырка, через которую охранник, по просьбе заключенного, лил воду, а внизу желоб, по которому нечистоты стекали еще ниже, в канализацию.

С Генриха сняли наручники и затолкнули в камеру.

– Раздевайся! – тюремщики просунули через окошко двери шланг и стали поливать арестанта струей холодной воды. Генрих стянул с себя пропитанную кровью рубашку, обмылся под струей, и, скомкав рубашку, стал ей, как тряпкой, стогнать воду с каменного пола в канализацию. Если оставить тут это болото, то от сырости человек быстро сгниет заживо, он слышал про такие случаи. Пока тюремщики были тут, и окошко в двери было открыто, нужно было успеть постирать рубашку, вытереть пол и проветрить камеру. Но тюремщики видимо не получали приказа наказывать арестанта, поэтому после помывки в окошко просунули сухой матрац и теплое войлочное одеяло. Окошко на дверях охранники закрывать тоже не стали, а Генрих расстелил на каменном диване матрац, завернулся в одеяло, и наконец, попытался расслабиться, и незаметно для себя заснул.

Глава 2. Начало.

– Иди скорее, умывайся и за стол! Я твоих любимых оладий напекла! – звала фрау Марта с летней кухни. Генрих, на ходу натягивая панталоны, сбежал по деревянной лестнице в сад. В саду, умывшись водой из колонки, он пригладил мокрыми руками растрепанные русые кудри и поспешил за стол, уже накрытый в тени яблонь.

–

Фрау Марта – плотная, розовощекая женщина, с веселым добродушным нравом. Ее муж – Альберт Шульц, служил управляющим в старинном имении барона Карла фон Браунштайна.

Имение Браунштайн – старинный замок, построенный из розового гранита, состоящий из нескольких зданий, раскинувшийся на берегу большого озера, окруженного кленовыми рощами. Главная башня замка была увенчанная бронзовым, в виде стрелы, флюгером и поднималась высоко над деревьями. Окна в замке были выполнены из цветного стекла, с коваными, ажурными решетками, и через них открывался изумительной красоты вид на озеро, берега которого были усыпаны красно-желтыми кленовыми листьями. От замка к озеру спускался парк с розовыми кустами и лавочками, сделанными из кованого железа в виде качелей, вдоль дорожек, посыпанных гранитной крошкой. На берегу стояла беседка из белого камня, а от нее в воду уходил небольшой деревянный пирс, возле которого безмолвствовали на воде несколько лодок. На озере цвели белые лилии и плавали величественные лебеди. Это было почти идиллическое место для жизни в любви и согласии, семейное, уютное гнездо потомков древнего рода Браунштайнов.

Барон рано остался вдовцом – баронесса умерла во время вторых родов. Он жил в имении со своим единственным сыном – маленьким Генрихом. Барон Карл фон Браунштайн много времени уделял науке и был очень образованным человеком. Во времена становления Великой Германии он принимал активное участие в политической жизни страны, много работал на военных заводах в качестве технического консультанта и изобретателя. Военная машина Третьего Рейха нуждалась в таких специалистах, и, после смерти баронессы, Карл с головой ушел в работу. Потеря любимой женщины была для него невыносимо сильным ударом. Только маленький Генрих и любимая работа могли отвлечь его от тяжелых мыслей.

Марта и Альберт Шульцы помогали барону, как могли. Они очень любили так рано ушедшую баронессу и переживали утрату как близкие друзья. Карл тоже уже давно относился к этой семье не как к прислуге, а как друзьям. Он доверил Альберту полное управление поместьем и всей его бухгалтерией, а сам все чаще разъезжал по разным городам Германии, развивая промышленность и занимаясь политикой.

Когда отец приезжал из своих командировок на отдых домой, Генрих все время проводил с ним. Они гуляли по берегу озера, кормили с рук уток и лебедей, катались на лодке и много разговаривали. В этих разговорах барон старался привить своему наследнику гордость за принадлежность к старинному арийскому роду и Генрих с детства научился понимать, что в мире есть они, люди – носители чистой расы – арийцы, и есть все остальные, вроде тех, польских сезонных рабочих, которых управляющий нанимал для небольших работ.

Для обучения Генриха были наняты лучшие учителя, и мальчик проводил время в изучении естественных наук и чтении книг, произведений мастеров изящной словесности. Физическим воспитанием маленького Браунштайна занимался племянник Альберта – Хельмут. Он был на три года старше Генриха и готовился поступать в военный колледж. Они вместе занимались физкультурой, подтягивались на турнике, бегали купаться на озеро и по очереди катались на, единственной в конюшне, лошади Шульцев.

Барон предлагал Шульцам жить в его замке, пока он отсутствует, но Альберт и Марта вежливо отказались, они тоже трепетно относились к своему дому. Поэтому большую часть времени, после смерти мамы, Генрих проводил в их доме. Шульцы отвели ему небольшую, светлую комнату на втором этаже, с окнами в яблонево́й сад, рядом с комнатой Хельмута.

Фрау Марте он был как сын, а она ему хоть как-то старалась заменить так рано ушедшую от него маму. Генриху было три года, когда умерла его мать, и он уже почти не помнил ее. Он называл фрау Марту – «Ма», а она иногда обнимала его, прижимала к груди, целовала в макушку и говорила: «Сыночек». Своих детей Шульцам бог не дал, и они были рады видеть в своем доме этого веселого, вихрастого мальчишку.

Их племянник – Хельмут, почти каждый день уезжал на учебу в город, а вечером возвращался обратно. Он был родом из небольшого селения, далекого от крупных городов, и на время учебы жил у Шульцев. Они с Генрихом так сдружились, что были похожи на братьев. Старший и рассудительный Хельмут всегда поучал и подстраховывал Генриха, а веселый и бесшабашный Браунштайн всегда находил способ сделать их обучение и тренировки более развлекательными и непринужденными.

Мальчики росли, уделяя много времени учебе и спорту, и постепенно превращались в красивых, атлетически сложенных юношей. Они были теми, про кого Фюрер потом скажет: «Истинные арийцы, надежда нации!»

В той светлой комнате, на втором этаже дома Шульцев и случилось то, что потом в полнотью изменило судьбу Генриха.

Однажды, проснувшись утром, он лежал в постели, нежась в лучах солнца, падающих на него через окно, и вдруг почувствовал, что с его телом что-то происходит. Сначала он ощутил непонятную дрожь во всем теле, как озноб, который бывает при высокой температуре во время болезни. Эта дрожь, постепенно усиливаясь, переросла в вибрацию, мелкую и частую, но такую сильную, что Генрих испугался. Он усилием воли заставил себя повернуться на бок и поднять руку. По мере того как он поднимался, вибрация становилась все слабее. Посмотрев на свою руку, он испугался еще больше – она была прозрачная. Генрих повернул голову и увидел на подушке себя, мирно спящим, с закрытыми глазами. Получилось, как бы, один Генрих спал, а второй, полупрозрачный, пытался выйти из него и уже высунулся почти наполовину. Генрих подумал, что он, наверное, спит, и это ему снится, но такое поведение даже во сне не было приятным, и он решил вернуться обратно. Генрих постарался лечь, принять ту же позу, что и спящий Генрих, и у него получилось. Он закрыл глаза и тут же открыл их снова. Вибрации исчезли. Генрих сел на кровати и ощупал себя. Вроде все в порядке. Генрих поднял руку и, улыбаясь, сделал вид, что смотрит через нее: «Приснится же такое!». И тут он увидел на оконном стекле бабочку и понял, то, что сейчас с ним произошло, не было сном. Минуту назад, в том странном «сне», он видел эту бабочку сквозь свою прозрачную руку. Генрих сидел на кровати и думал.

Во-первых, это ощущение вибрации в теле ему показалось знакомым. Подумав немного, он вспомнил, когда и при каких обстоятельствах он уже ощущал эти вибрации. Это было в далеком детстве, когда умерла мама. Тогда отец как-то неумело объяснил маленькому Генриху, что мамы больше нет, он понял, что ее больше не увидит, и у него случилась истерика. Он тогда упал на колени на пол и ревел захлебываясь, а отец сидел в кресле, закрыв лицо руками. Горе Генриха все росло, он вдруг ощутил, как его тело завибрировало, он резко поднялся, хотел закричать и вдруг увидел мальчика, который лежал, скорчившись на полу, и плакал навзрыд. Дальше Генрих смутно помнил, что долго болел от пережитого стресса, и они с отцом проводили все время вместе. Отец читал ему книги, и они катались на лодке. Все уже почти забылось, но вот это ощущение вибрирующего тела Генрих запомнил хорошо. Он понял, что эта вибрация и отделение прозрачного тела взаимосвязаны. Это приключение Генриха заинтере-

совало, и он решил впредь не пугаться, а посмотреть, что будет дальше. Рассказывать про это происшествие Генрих тоже никому не стал, а просто ждал, когда что-то подобное повторится. Но проходили дни, время текло, и ничего не случилось.

Хельмут поступил в военную академию и теперь приезжал в имение редко, когда за отличную службу выдавались увольнительные на несколько дней. Форма немецкого курсанта была очень к лицу этому подтянутому, атлетически сложенному молодому человеку.

Фрау Марта всегда к его приезду готовила большой обед, они все собирались за столом и обсуждали последние новости из жизни страны. А в стране происходили важные перемены. Немецкая Национал-социалистическая Рабочая Партия по итогам выборов стала правящей, и ее лидер – Адольф Гитлер, занял должность рейхсканцлера. Из всех динамиков и радиоприемников разносился его резкий призывающий голос, вещающий о возрождении Великой Германии. Этот человек с пронзительным взглядом и маленькими черными усами производил на Генриха сильное впечатление. Он просто заставлял гордиться собой за принадлежность к великому народу: «Гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к германской нации, в чьих жилах течет немецкая кровь». Гитлер придавал большое значение так называемой «чистоте крови»; на этих идеях была построена нацистская «расовая теория».

Хельмут много и с восторгом рассказывал об обучении в военной академии, о занятиях строевой и политической подготовкой, о том, что скоро наступит время, и Великая Германия займет свое главенствующее место в мире. Однажды, в разговоре с Генрихом, Хельмут обмолвился, что вступил в Орден «Новых Тамплиеров» и теперь он член братства. Генриха это заинтересовало, он попросил рассказать подробнее. Юноши поднялись в комнату Генриха, закрыли дверь, и Хельмут, развалившись в кресле, стал рассказывать.

– Это подразделение ордена «Новые Тамплиеры», основанного в 1905 году учителем и идейным вдохновителем Йоргом Ланцем фон Либенфельсем. Учение Ланца об исключительности арийской расы было основано на научно подтвержденных фактах. Так что это не выдумки и не какие-то идеологические обороты. Это наука! – Хельмут поднял вверх указательный палец.

– Учитель – человек мудрый, а в 1902 году он получил ученую степень доктора наук. Он занимается ветхозаветной историей и однажды, изучая ассирийские надписи, сделал невероятное открытие. Оказывается, еще в 1848 году, английский ориентолог Остин Генри, нашел при раскопках два обелиска, на которых были изображены ассирийцы со странными мифическими животными неизвестных видов. Клинопись сообщала, что этих животных король Мюсри послал Ашшурбанипалу II в качестве дани. Расшифровка следующих надписей говорила о том, что владыка Ассирии разводил этих животных в зоологическом саду Калах.

– Как думаешь, кем же были эти животные? – Хельмут сделал театральную паузу:

– Это были пигмеи! Значит, издревле на Земле существовали две расы: люди-арийцы и недочеловеки-пигмеи. Евреи, негры, азиаты – результат преступного кровосмешения этих двух рас! Сексуальная распущенность арийских женщин, так считает учитель, привела к вырождению расы. Пока мужчины охотились и добывали пищу, женщины предавались разврату. Отсюда, по его мнению, и происходит библейский миф об Адаме и Еве!

– Много об устройстве и происхождении мира можно понять, прочитав его книгу: «Тео-зоология, или Гримасы Содома» – Хельмут говорил горячо, в его голосе проскальзывали фанатичные нотки.

– Первичные люди-арийцы имели удивительные свойства. Они могли видеть рентгеновские лучи, воспринимать радиоволны и читать мысли. У них были телепатические и другие способности, но все эти способности они растеряли из-за преступного кровосмешения! Последним истинным арийцем был Христос – этим и объясняются его чудеса! – Хельмут встал и в возбуждении ходил по комнате:

– Представляешь, все эти способности мы можем вернуть!

– Как!? – Генриху все это было интересно.

– Теорию Дарвина знаешь? Так вот, если остановить кровосмешение, отделить арийцев от остальных недолудей, то арийская раса постепенно восстановится и вновь обретет утраченные способности! Мы будем править миром! Надо только запретить смешанные браки, а еще лучше стерилизовать недолудей или высылать их из мест обитания арийцев. Полностью уничтожать их не следует, они потребуются для работ по строительству нового мира, а работы будет много!

Юноши еще долго проговорили об исключительности арийской расы. Провожая Хельмута, Генрих попросил, в следующий приезд, захватить что-нибудь из новой просветительской литературы, которой ходило много между членами Ордена. Хельмут выполнил просьбу друга и в следующий приезд привез целую стопку брошюр разных изданий.

Просматривая эту литературу, Генрих, среди разных, прославляющих великую арийскую нацию статей, нашел несколько действительно интересных для себя. Это были руководства по медитации и методики управления своим сознанием. Раньше Генрих встречал краткое описание медитаций у классиков, из книг фамильной библиотеки Браунштайнов, которая хранилась в замке, но ни разу не видел методик достижения этого состояния. Эти брошюры произвели на него сильное впечатление. Генрих понял, что те случаи с вибрацией в теле и последующим выходом из него, лежат где-то в этой области, и ему очень захотелось докопаться до сути этих явлений. Он стал по-другому смотреть на свой внутренний мир, свои возможности и начал пробовать заниматься медитацией, согласно этим методичкам.

Но у него ничего не получалось. Когда он принимал рекомендуемую для медитации позу лотоса – у него затекали ноги, он не мог сосредоточиться. Когда же он принимал позу удобную для себя и расслаблялся, как рекомендовали брошюры – он просто засыпал. Но Генрих был уверен, что он сможет, ведь он же ариец по рождению! Нужно лишь пробовать и тренироваться. Перечитав всю доступную ему литературу, он обратил внимание, что все методики медитации так или иначе затрагивали восточные учения, что достоверные знания об этих умениях стоило искать в древнем Китае, Японии, Тибете.

Он выписал несколько периодических изданий, географические, научные и медицинские журналы и проводил много времени за чтением. В одном географическом издании он наткнулся на интервью, взятое у английского офицера, долгое время служившего советником у короля Бенгалии. Он на заседании Английского Королевского Географического общества сказал: «Теперь, после изобретения самолета, на Земле не останется белых пятен, исследовать больше нечего. Однако, все же осталась еще одна, последняя тайна, это страна на крыше мира, которой правит посланник Бога на Земле вместе с тысячами монахов. И там живут люди, которые умеют отделять душу от тела! Они медитируют в пещерах и могут годами не выходить на свет божий...»

Генрих вытащил с полок фамильной библиотеки все, что нашлось о Востоке, сложил большую стопку книг на большой, дубовый стол и погрузился в изучение. Чем дальше он погружался в мир древнего Востока, тем больше он увлекался им. Ему открывался неведомый раньше мир цветущих садов, укрытых снежными шапками гор, мужчин, для которых кодекс чести превыше жизни, удивительных женщин, создающих уют в бамбуковых хижинах для своих самураев, отважных мореходов и непобедимых воинов, о которых слагались легенды. Генрих впитывал этот мир запоем, порой не замечая прошедшего времени и перекусывая прямо в библиотеке бутербродами, которые приносила фрау Марта.

Отец Генриха, вернувшись из очередной командировки, застал сына в библиотеке. Генрих, обложившись книгами, спал, уронив голову на желтые страницы очередного фолианта. Карл осмотрел названия книг, которые изучал его сын, и из следующих поездок привозил по несколько книг новых изданий о Востоке. Изучая эти труды, Генрих был восхищен величием

восточной цивилизации, подарившей миру такие изобретения как порох и шелк, доменную печь и фарфор, бумагу и компас. Он был уверен, что без вмешательства первичной арийской расы тут не обошлось, и вскоре получил тому подтверждение. Из книг о древнем востоке он узнал, что хвостатая немецкая свастика, являющаяся символом современной возрождающейся Германии, тоже имела свои корни в древнем Китае и Тибете. На востоке этот знак рассматривался как символ жизни, света, щедрости и изобилия. Она высечена во многих храмах и на древних памятниках Индии и Китая. Как символ эзотерического буддизма она называется «Печатью Сердца» и, по преданию, была запечатлена на сердце самого Будды! Конечно, и корни первичной арийской расы следовало искать в горном Китае, Тибете и Гималаях, там могли сохраниться следы, а, может, и сами небожители, носители чистой, голубой крови.

Проникаясь миром древнего Востока, Генрих все больше понимал, что те люди ставили духовное развитие личности наравне с развитием физического тела, а часто и выше него. Тренировки физического тела больше требовались для укрепления духа и роста человека как личности. Развивая свое астральное тело совместно с тренировками тела физического, некоторые мастера достигали невероятных, иногда просто фантастических, результатов. Генрих начал осознавать, что просто накачать мышцы при помощи физических упражнений или повысить выносливость ежедневными заплывами по озеру, это лишь самое малое, что можно было сделать для своего развития. Для продвижения дальше ему требовалось, кроме ощущения своего физического тела, научиться понимать свое астральное «Я», развить себя как личность, как дух, живущий в оболочке тела.

И как только он осознал и принял для себя эту истину, у него получилось!

Как-то солнечным утром, он в очередной раз предпринял попытку медитации. От позы лотоса у него затекали ноги, и поэтому он просто закрыл дверь, сел в кресло, устроился поудобнее, расслабился и начал представлять свое астральное тело, наполняющее физическую оболочку. Внезапно он ощутил легкий толчок и вдруг понял, что его сознание как бы вышло за границы головы, раздвинулось, увеличилось и представляло сейчас большой шар, диаметром с половину комнаты, внутри которого, в кресле сидело тело Генриха. Мысли текли легко и непринужденно. Генрих осознавал все происходящее, и, в то же время, его разум работал невероятно быстро и четко. В этом состоянии думалось очень просто и без каких-либо усилий. Генрих понял, что он научился изменять, а главное, контролировать свое сознание.

Начало было положено. Он повторил медитацию еще раз и тщательно запомнил все свои действия для достижения этого эффекта. Мозг при такой медитации работал удивительно четко и быстро, и впоследствии Генрих всегда применял эту технику, когда требовалось что-то обдумать или принять важное решение.

Овладев техникой медитации, позволяющей задействовать возможности своего мозга в больших объемах, Генрих стал стараться все размышления проводить в этом состоянии. Он читал книги, а потом погружался в медитацию и из полученной информации складывал у себя в голове четкую картинку, в которой ясно видел непонятные для себя места. Он возвращался в библиотеку и искал уже именно ту информацию, которую ему надо было, отсеивая ворох ненужных, побочных описаний, и таким образом, усвоение найденного материала происходило в разы быстрее. Причем он часто замечал, что медитация позволяла увидеть именно те важные детали, которым он бы не придал значения в обычном состоянии. Как будто при медитации кто-то указывал ему, на что именно нужно обратить внимание в данный момент. То есть Генрих как бы выбирает вектор движения, а кто-то указывает на проходы в этом пути, отмечая тупики и ложные повороты. В обычном состоянии Генрих бы плутал в лабиринте различной ложной и правдивой информации, что и происходило в течение нескольких предыдущих лет, и только освоив медитацию, он начал продвигаться в определенном для себя направлении самосовершенствования.

Генриху стало интересно, почему, во время медитации, выделяется информация именно та, которая нужна на этот момент для получения результата, а ненужная как бы смазывается, замыливается, отходит на задний план? Он начал медитировать, размышляя на тему самой же медитации, и через некоторое время пришел к интересному выводу.

Как он понял, это он сам выбраковывал для себя части информации, а знание того, пригодится или нет данная деталь, приходило откуда-то из глубины. Это был не кто-то, а что-то, какое-то информационное поле, облако знаний, безразмерное хранилище информации. Генрих в медитации увеличивал мощность своего мозга, и сознание само брало знание оттуда, но это знание было лишь на уровне «Да» и «Нет», «пригодится – не пригодится», а потом уже, на основе полученного, Генрих, складывал в голове нужную картинку.

Этот океан знаний, другие медиумы из прочитанных книг, называли – астралом или астральным миром. Он лежал вне физического мира, а где-то параллельно ему, рядом. Он был абсолютно не осязаем, но, в то же время как бы обволакивал реальный, физический мир. Люди, живущие в реальном мире, могли иногда, сами того не сознавая, получать из астрального мира какую-то информацию. Этим объяснялись вещи, которые казались многим загадочными. Такие, как предчувствие или мысленные связи близких родственников, например, матери и ребенка или любящих друг друга людей. Если с ребенком что-то происходит, то мать чувствует это, как говорят: «Чувствую сердцем», причем это не зависит от расстояния между ними. Если маленькому малышу плохо, мать это чувствует и спешит на помощь, разум матери постоянно в контакте с разумом ребенка через это информационное поле. Именно разум, а не сознание, так как они это не осознают, а как бы чувствуют разумом, «сердцем». И эти возможности можно развивать! Если мать и ребенок совместно занимаются медитацией и вместе осознают контакт с астральным полем, то и контакт между ними можно повысить с контакта «разумом», до контакта «сознанием». Тогда, в этих медитациях, станет доступна телепатия – обмен мыслями, мысленный разговор, не зависящий от расстояния, которое их разделяет. Но тут вмешивается природа. Чтобы какой-то вид существ эволюционировал и развивался, по законам развития, ребенок, должен превосходить своих родителей, и поэтому родитель не должен держать его, идущего по жизни, на «астральном поводке». Каждый должен сам выбрать и пройти свой путь, и никто, даже любящая мать, не должен влиять на его выбор. Пока малыш мал и беспомощен, эта астральная связь с матерью ему просто необходима для выживания. Но когда ребенок становится самостоятельным, эта связь становится ему не нужна, так как будет его ограничивать, влиять на его решения. Ребенок вырастает, отрывается от родителей, рвет свою «астральную пуповину» и движется дальше, развиваясь сам и совершенствуя свой вид. Однако, даже тогда, при определенных обстоятельствах, например, при стрессе, несчастном случае, болезни, мать может чувствовать своего ребенка, а он ее. Способность связываться через астральное поле не пропадает совсем, она как бы заглушается за ненадобностью, поэтому, взрослая и становясь разумнее, человек может развить в себе эти способности, которые были им забыты.

У Генриха не было матери или возлюбленной, с которой он хотел бы поддерживать астральную связь. С отцом он особо не сближался, они лишь разговаривали о всяких технических новинках и политике, не касаясь личных тем. Отец был замкнутым человеком. Он любил Генриха, но никогда не рассказывал ему про свои личные переживания и про свою любовь к безвременно почившей баронессе. Генрих видел, как тяжело отец переживал смерть любимой женщины, но сделать ничего не мог, они не разговаривали на эту тему. Близкой подруги у него тоже не было.

В книжках классиков он много читал о большом и светлом чувстве, называемом любовью между мужчиной и женщиной. Но любовь, какой бы она ни была высокой и красивой, была, по мнению Генриха, лишь прелюдией к сексу. Большого и светлого чувства он не встретил и поэтому, особо не переживая, перешагнул эту особенность человеческих отношений и стал покупать секс за деньги. Генрих с Хельмутом, когда тот приезжал погостить в увольнительные

дни, часто ездили в город и весело проводили время в пабах, попивая пиво. Нередко оставались ночевать у жриц любви, в общем, проводили время как обычные богатые молодые лентяи, соря деньгами родителей. Денег у него было в достатке, да и на молодого, красивого барона почти все женщины смотрели с интересом, что делало их еще доступнее и порочнее. Покупая проститутку, Генрих все больше соглашался с Хельмутом в том, что женщины, существа согрешившие кровосмешением, повлекшим вырождение чистой арийской расы, не достойны быть даже кандидатами в близкие друзья. Он не видел в них ничего полезного для себя, кроме сексуального тела. А они, в свою очередь, видели в нем только его деньги, с которым он легко расставался. Такие отношения Генриха вполне устраивали.

Хельмут тоже не годился на роль близкого друга. Когда они были еще маленькими и их интересы не выходили за рамки рыбалки на озере и совместных занятий спортом, Генрих считал Хельмута своим лучшим другом, но когда Хельмут поступил в военную академию и стал членом Ордена, то его поведение и взгляды на жизнь резко изменились. Хельмут считал всех вокруг, кто, по его мнению, не был чистым немцем, низшими существами и относился к ним с таким презрением, что порой удивлял Генриха. Видимо, сказывалось не совсем чистое происхождение самого Хельмута, которое он тщательно скрывал и всячески пресекал попытки разговоров на эту тему. Доверять свои сокровенные тайны такому вспылчивому и эмоциональному человеку, Генриху не хотелось, и они постепенно отдалились друг от друга на расстояние, позволяющее только вместе пить пиво и развлекаться с проститутками, но не для личных душевных бесед. Другого друга у него не было, поэтому освоение умения астральной связи, Генрих решил оставить на то время, когда появится такой человек.

Но он всегда радовался приезду Хельмута, с которым мог сменить обстановку, отдохнуть от медитаций и библиотеки, поболтать и развеяться. Теперь он понимал, почему мало таких как он людей, которые могли медитировать и изучать ментальные глубины человеческого «я».

Большинство людей живут в мире физическом, в обществе, где на первый план выходит забота как себя обеспечить, прокормить, заработать деньги, сделать карьеру. А о существовании параллельного, астрального мира, большинство даже не подозревают, и, сталкиваясь с его проявлениями, списывают их на сказки, галлюцинации и тому подобное, не пытаясь вникнуть в суть вещей. Так и живут, копошась каждый в своем мирке, накапливая и потребляя, радуясь накопленному – каждой заработанной марке, заслуженной звездочке, полученной льготе. Понимая, насколько все это бrenно и проходящее лишь, когда приходит время умирать. Лишь у последней черты большинство обывателей вспоминали о душе и начинали думать о вечном, когда время уже прошло.

Генрих не хотел быть таким и уже твердо знал, что таким не будет никогда. Он был молод и полон сил, перед ним открывался мир неограниченных возможностей, а благодаря тому, что он сейчас знал, и не только физический мир!

Глава 3. Карцер.

Генрих проснулся и сел на соломенном матрасе. Наверное уже утро, но в этом каменном мешке всегда одно время дня и одно время года. Тусклая лампочка никогда не выключается, каменные, серые стены, затхлый воздух и полная тишина, от которой звенит в ушах. Только по открывающемуся два раза в день окошку на двери, в которое тюремщики подавали чай и хлеб, можно было считать дни, проведенные в карцере. Генрих подошел к двери, заколотил по ней кулаком и крикнул:

– Эй! Охрана! Подойдите ко мне!

Где-то наверху заскрипела дверь и раздались звуки шагов в подкованных сапогах, по железной винтовой лестнице. Через минуту окошко на дверях откинулось, и в него подали хлеб и деревянную кружку.

– Полей воды, пожалуйста. – попросил Генрих. Охранник молча просунул в верхнюю дырку ниши на стене конец резинового шланга и включил воду. Генрих, фыркая, умылся холодной водой, взял свой нехитрый завтрак и уселся на каменный выступ, который служил ему и столом, и кроватью. Теперь можно было поразмышлять о своей судьбе. Что ж, свой выбор он сделал.

Генрих, как и, наверное, все узники этой тюрьмы, надеялся когда-нибудь выйти отсюда. Но, наверное, он был единственный, кто точно знал, как это сделать. Ему ни в коем случае не нужны были соседи, которые мешают воплощать в жизнь его план, ему нужна тишина и одиночество для медитации. Похоже, он своего добился, но какой ценой? Если его оставят в карцере надолго, он тут начнет гнить и, в конце концов, или умрет от сепсиса, или будет переведен на лечение в больничный блок. В любом случае времени у него не так уж и много. Начинать медитировать прямо сейчас пока нельзя, нужно дождаться реакции тюремщиков на вчерашнее происшествие в камере.

Генрих сделал несколько физических упражнений и начал ходить, меряя шагами камеру. Четыре шага вперед, поворот, четыре шага обратно, снова поворот, и так еще и еще, сотню раз, еще сотню, пока не заныли от усталости ноги, а в каменном мешке камеры стало тепло и душно. Хотелось лечь, расслабиться и, провалившись в астрал, лететь, собирать крупинки так нужной ему информации, но нельзя. Нельзя чтобы его нашли без сознания пришедшие охранники, а придти они должны, убийство рыжего не может пройти без последствий.

Наверху опять заскрипела дверь, и послышался топот нескольких пар сапог, спускавшихся по винтовой железной лестнице. Генрих повернулся лицом к дверям и выпрямился.

– Отойди к стене! – железная дверь камеры, загремев, отворилась, и в каменный мешок вошли несколько охранников с фонарями, вооруженные короткими автоматами. Генрих отошел назад и оперся спиной о каменную стену. В камеру вошел Директор. Он был одет в дорожной, черный костюм и высокие кожаные сапоги. Неспешно прошел по камере, заложив руки за спину, затем повернулся к Генриху и, покачиваясь с пятки на носок, стал пристально разглядывать узника сквозь круглые очки.

– Что произошло вчера в камере? – Его пристальный взгляд, казалось, хотел заглянуть Генриху прямо в душу и понять истинный смысл произошедшего. Директор не любил когда в его владениях, происходило что-то, что он объяснить не мог. Он внимательно читал досье Генриха и знал, что этот заключенный не простой узник. Офицер, интеллектуал, барон, исследователь... Но то, что он совершил вчера никак не вписывалось в эти рамки. Конфликт и самозащита? А может узник начал сходить с ума?

Генрих понял, что лучше сказать правду. Не всю конечно, но правду. Директор на этом острове последняя инстанция и властитель судеб. От его решения зависит все.

– Мне не нужны соседи, я хочу быть один.

– Молодой человек, ты можешь хотеть что угодно, а решаю тут я. – Директор, кажется, не поверил в искренность Генриха.

– Вы можете посадить мне в камеру кого угодно. Но я предупреждаю, я убью любого, кто станет моим соседом. Если вы этого хотите, то – пожалуйста, мне терять уже все равно нечего. – Генрих произнес это как можно увереннее, глядя Директору прямо в глаза.

– Гм. А ты не производил впечатления сумасшедшего – Директор был озадачен:

– Я считал, что сотрудник Анненербе умеет ладить с людьми?

– Это было давно. Все меняется. Просто оставьте меня в покое. Пожалуйста. – Генрих постарался быть как можно убедительнее, от этого человека зависела его дальнейшая судьба.

Директор еще молча постоял, глядя на Генриха, стараясь увидеть в арестанте то, что он пытается скрыть, потом дал знак охране и уверенным шагом вышел из камеры. Охрана поспешила за ним, дверь со скрежетом захлопнулась, и шаги уходящих людей вскоре стихли. Генрих остался один в тишине каменного мешка. Все. Если сегодня его никуда не переведут, то значит он наказан, у него есть как минимум неделя карцера, за которую его никто не потревожит. Теперь можно поспать, а завтра он займется сбором так нужной ему информации в бескрайнем океане астрала. Генрих лег на матрас, расслабился, и воспоминания прошлой жизни снова нахлынули на него.

Глава 4. Первые шаги.

Первый управляемый выход из тела должен быть запланированным – к такому выводу пришел Генрих, перечитав все книги, которые хоть как-то касались подобной тематики, в библиотеке замка. Планирование такого события даст подсознанию время подготовиться и в час «Х» выполнить то, что от него требуется. Он внимательно проштудировал все доступные современные издания, которые удалось найти. Затем, в долгих медитациях, из полученных знаний, Генрих сложил у себя в голове понимание, что нужно для выхода из тела и как этого достичь. Как вызвать то состояние вибраций во всем теле, он уже понял теоретически. И что потом делать, после того, как это состояние наступит, он тоже уже понимал, но это все была теория, построенная на умозаключениях. Если сейчас поторопиться и начать пробовать, применяя все эти знания, то выход может не получиться, и тогда неудача может перечеркнуть тот, теоретический настрой, который ему удалось создать. Выход должен состояться обязательно, иначе придется опять медитировать, собираться, настраиваться, и кто знает, получится ли подготовиться еще раз. Для того, чтобы выход точно произошел, Генрих решил дать себе неделю на последние приготовления и назначить точную дату. Он был почти уверен, что если он попробует сейчас, то у него получится, но нужно было быть уверенным на все сто. Он пролистал перекидной календарь и отметил в нем красными чернилами субботу, 5 февраля 1938 года.

Оставшуюся неделю Генрих посвятил медитациям и спокойным прогулкам по берегу озера. Он чувствовал, что скоро жизнь его изменится кардинально, и это предчувствие перемен пьянило и будоражило. Он размышлял, что он будет делать, обретя такое умение, фантазировал и в своих фантазиях распалял себя еще больше. Ему уже не терпелось совершить выход, но слово надо держать, и он терпеливо ждал, пока в календаре не появится листок, помеченный красным.

В субботу с утра Генрих сделал последние приготовления. В свою старую комнату, на втором этаже в доме Шульцев, он заранее притащил из замка большое кожаное кресло и застелил его мягким пледом. Запланированный выход он будет делать здесь, потому что в этом месте он уже испытывал его неосознанно. В успехе он не сомневался, поэтому, не торопясь, сделал зарядку, легко позавтракал, прогулялся по озеру и направился в свою комнату. В комнате он повернул кресло так, чтобы свет от окна не светил в лицо, сел и устроился поудобнее. Нужно было принять такую позу, в которой можно было расслабить все мышцы тела, и, в то же время, кровь во всех членах тела должна бежать без затруднений, и ничего не могло помешать в ответственный момент. Генрих знал, чтобы отвлекающих факторов было меньше, можно было бы набрать ванну теплой воды и лечь в нее. При температуре воды в 36-37 градусов, можно было висеть в воде, вообще не ощущая тела и тогда осуществить выход, было бы еще проще. Но Генрих был уверен, что у него и так все получится, можно обойтись и без ванны.

Генрих привычно расслабился и перешел в состояние медитации, и, будучи в расширенном сознании, начал полное расслабление своего тела. Сначала перенес свое внимание на кончики пальцев ног, расслабил их полностью, потом стал подниматься выше, по ногам, постепенно расслабляя каждую мышцу. Затем переключился на руки и так же, начиная с пальцев и поднимаясь все выше, расслабляя каждую клетку своего тела. Постепенно расслабляясь, он начал чувствовать, как внутри тела зарождается дрожь. Эта дрожь постепенно усиливалась, как будто сквозь тело проходил сильный электрический ток, не причиняющий никакой боли, только сотрясающий ткани. Вибрация все усиливалась, и вскоре это ощущение заполнило все сознание и затмило собой ощущение физического тела. Генрих перестал чувствовать свое тело, а ощущал только вибрацию. Впечатление было такое, будто он состоял из газового облака, которое мелко вибрировало. Он инстинктивно поднял руку, чтобы потрогать себя за лицо, и

опять увидел перед глазами свою прозрачную ладонь. Все, это случилось! Он поместил руку обратно в тело и напрягся. Вибрации исчезли, он снова был в своем теле. Генрих поднялся с кресла, прошел по комнате, прислушался к своим ощущениям. Все в порядке. Можно продолжать эксперимент.

Теперь, для удобства выхода, Генрих немного раздвинул кресло и опустил его спинку, чтобы занять в нем полулежащее положение. Он лег в кресле, прикрылся пледом и погрузился в медитацию. Вибрации и в этот раз не заставили себя ждать. Генрих, как и раньше, вывел из тела сначала правую руку, осмотрел ее, а потом совершил движение астральным телом, которое он придумал для себя сам, когда готовился теоретически. Он повернулся астральным телом, не напрягая физического, сделал движение, какое делает человек переворачиваясь на бок, только при этом, абсолютно не напрягая мышцы. Он повернулся на бок астральным телом, и, при этом, его физическое тело лежало на спине без движения, а повернувшись, поднялся и сел на край кресла. Было ощущение необычной легкости. Генрих посмотрел на свои руки – прозрачные, взглянул вниз – с кресла на пол свешивались контуры его ног. Он посмотрел вбок, на кресле рядом с ним лежал он сам. Глаза лежащего тела были закрыты, на лице легкая бледность, все тело казалось очень крепко спящим человеком. Никаких эмоций свое тело со стороны у Генриха не вызвало. Генрих поднялся и подошел к окну. Выражение «подошел» в этом случае было немного не верное. Да, прозрачное астральное тело делало шаги контурами прозрачных ног, но Генрих ничего не чувствовал. Он не ощущал ни твердости пола, ни движения воздуха в комнате, ничего. Генрих походил по комнате и вернулся обратно в кресло. Он лег на спину, в той же позе, какой лежало его тело, и напрягся. Резко появились вибрации, тут же исчезли, и нахлынуло ощущение физического тела. Генрих поднялся, разминая руки и ноги, глядя себя по лицу и груди. Выход это, конечно, интересно, но как-то неприятно. Все-таки, нет ничего лучше, чем ощущать себя полноценным человеком с крепким, здоровым телом.

Теперь надо было обдумать случившееся. Судя по всему, это прозрачное тело, которое он видел при выходе, это лишь визуальное воплощение его представления об астральном теле. Он привык, что тело это руки, ноги, голова, и во время выхода сознание дорисовало части тела, какими он привык их видеть. Астральное тело не имеет формы, оно эфемерно, а значит, на его форму можно внимания не обращать. Ладно, с формой разобрался, теперь ощущения. При выходе Генрих не чувствовал ничего. Вообще ничего, не было даже эмоций. Подумав, Генрих пришел к выводу, что ощущений быть и не должно. Ведь все, что чувствует человек, это лишь электрические импульсы в нервных волокнах, которые раздражают те или иные участки мозга. Это все относится к телу физическому, а астральное может воспринимать лишь информацию, чистую, не искаженную эмоциями и ощущениями. С другой стороны, информация, которую получило астральное тело, могла вызвать в мозгу физического тела соответствующие ей импульсы... Это надо проверить.

Генрих опять лег на кресло и уже привычно расслабился. Дождавшись вибраций, он опять повернулся на бок и поднялся. Теперь нужно попробовать получить какую-то информацию, которая бы вызвала у него какие-нибудь эмоции. Он подошел к окну, надеясь посмотреть что там, на улице. Потом, вдруг подумав, он «подтянул» прозрачные ноги к своему виртуальному животу и «поплыл» по воздуху. Генрих представил себя в виде прозрачного шарика, плывущего по воздуху в комнате, и его это развеселило. Он засмеялся и вдруг понял, что лежит в кресле и смеется. Переход обратно в физическое тело был мгновенным и почти неоощуемым. Как легкий толчок, за миг до того, как ему стало смешно. Значит, связи астрального тела и физического более плотные, чем показалось вначале. Астральное тело получило информацию, физическое на нее отреагировало, но не смогло без астрального и мгновенно «втянуло» его обратно. Также было ясно, что сила притяжения для астрального тела не существует, и перемещаться оно может, летая над землей как какое-нибудь облако. Это все было очень увлекательно.

Теперь можно было попробовать выйти за пределы комнаты. Генрих лег в кресло, вызвал вибрации, правда на этот раз пришлось долго расслабляться, возбужденное сознание никак не хотело успокаиваться, но ему это удалось, и он вышел из тела. Теперь он уже не обращал внимания на форму своего тела, а просто представлял себя как сгусток какой-то энергии, как небольшое облачко сознания, витающего в воздухе. Он пролетел вниз по коридору лестницы и через приоткрытую дверь вылетел на улицу. Эмоций никаких не было. Он рывком бросил себя к стоящему на берегу озера замку и взлетел над его стеной. Внизу, возле ограды парка он увидел Альберта – управляющего имением, который разговаривал с несколькими рабочими. Генрих скользнул к ним и услышал, как Альберт отдает распоряжения по очистке парка от прошлогоднего мусора. Генрих поднялся выше и двинулся в сторону дома Шульцев. Там, на кухне, фрау Марта расставляла чистую посуду по полкам. Генрих остановился возле нее, немного подождал, а потом попробовал напрячь мышцы тела. Он почувствовал, как мышцы напряглись, и вдруг ощутил себя лежащим в кресле. Переход обратно в тело опять состоялся так быстро, что он не успел его заметить.

Генрих поднялся с кресла и бегом спустился на кухню.

– Ма! Вы сейчас не видели ничего необычного? – спросил он у фрау Марты.

– Нет, а что, должна была?

– Да нет, ма, мне просто показалось. Извините. – Он вышел из комнаты и бегом направился к замку. Из-за ограды замка выходили рабочие с метлами и граблями. Можно было даже не спрашивать, какое распоряжение они получили, было и так ясно.

На первый день пока хватит. Генрих поздравил сам себя с удачным экспериментом. Он был горд собой и почти счастлив. Он перешагнул рубеж, сегодня он перестал быть таким как все. Он исключительный!

Информации для размышлений он получил много. Нужно было все это обдумать, разложить в голове и выбирать направление для дальнейшего развития. Оставшееся время в этот день он провел в отдыхе и прогулках по озеру.

Генрих хотел как можно полнее изучить это интересное явление и в последующие дни полностью посвятил себя медитации и внетелесным прогулкам. В первые свои выходы он старался перемещаться по свободному пространству, стараясь не задевать предметы, так же, как двигался бы находясь в физическом теле. Но в медитативных размышлениях он пришел к выводу, что астральное тело это не газ, это вообще что-то нематериальное. А раз так, то материальные преграды для него не должны существовать, и он стал экспериментировать с предметами. Генрих, уже привычными действиями, оставил свое тело лежать в кресле, а сам переместился к окну. Из своего астрального облака-тела он вытянул прозрачную руку и попытался прикоснуться к стеклу. Рука прошла сквозь стекло, как будто его и не было. Генрих продвинулся вслед за рукой и оказался за окном, висящим над землей на уровне второго этажа. Он двинулся обратно и постарался прочувствовать момент, когда окно проходило сквозь него. Как только он попытался это сделать, он тут же ощутил себя лежащим в кресле. Стало понятно, что перемещаться он может в любом направлении, без каких либо преград, вот только воспринимать это нужно без эмоций, иначе физическое тело сразу на них реагировало. Следовало научиться сдерживать свои эмоции и попытки пошевелиться, т.к. астральное путешествие на этом сразу обрывалось.

Генрих оставлял свое тело лежащим в кресле, в своей комнате, а сам летел в парк, поднимался над деревьями, осматривал окрестности. Однажды Генрих решил подняться как можно выше. Он взлетел очень высоко, и как только земля укрылась белым, рваным покрывалом облаков и замок исчез из виду, Генрих вдруг опять ощутил мягкий толчок и очутился в своем теле в кресле. Первое его ощущение было тревога и возбуждение. Он понял, пока он летал за облаками, в его физическом теле произошел выброс адреналина, видимо, из-за полученной от астрального тела информации. Теперь нужно было учиться контролировать себя, иначе дальше

полетов по двору дело не пойдет. Нужно было как-то «убедить» физическое тело не реагировать на информацию, получаемую во время выхода.

Это оказалось неожиданно трудно. Инстинкт самосохранения не давал спокойно относиться к необычным для человека вещам. Генрих проводил много времени в медитациях, обдумывая, как можно спокойствие и безразличие астрального тела передать физическому, но у него ничего не получалось. Стоило ему на астральной прогулке сделать что-то неординарное, например, нырнуть в озеро, как выброс адреналина тут же возвращал его обратно в тело. Теперь Генрих понял, почему внетелесные путешествия не доступны многим людям. Астральное тело настолько привязано к физическому, что если среди людей и находятся такие, которые могут совершить выход, то они его просто не замечают. Не замечают потому, что выход длится для них секунды, до первого напряжения мышц от понимания того, что что-то происходит. Незапланированный выход списывают на закружившуюся голову или галлюцинацию и внимания не обращают. А запланировать выход люди не могут, они просто не подозревают даже о такой возможности!

Для рядового обывателя душа и тело неразделимы. Душа это что-то неосоздаваемое и самодостаточное, о ней можно не думать, она существует сама по себе. А вот тело можно потрогать, покормить всякими вкусностями, угостить порцией алкоголя и получить еще тысячу физических удовольствий. Так и живет большинство обывателей, проводя дни в плотских утехах и в работе, чтобы обеспечить себя этими утехами.

Теперь Генрих стал понимать, к чему он прикоснулся и как все-таки мало человечество знает о себе и окружающем мире.

Генриху предстояло полностью перестроить отношения между астральным и физическим телами. Отодвинуть, один из самых сильных природных инстинктов – инстинкт самосохранения, на второй план. Он стал усиленно тренироваться, проводя все время в комнате, медитируя лежа в кресле и совершая астральные прогулки. Постепенно у него стало получаться сделать какой-нибудь «опрометчивый» шаг вне тела, не вызвав ответной реакции тела физического. Он научился подниматься за облака и погружаться в озеро. Он подолгу «плавал» в толще воды озера, разглядывая крупных карпов и водные растения. На большой глубине, где вода становится черной, он вдруг получил способность видеть предметы не так как обычно. Цвета исчезли, остались только четкие контуры, но предметы стало видно сразу со всех сторон. Это было объемным зрением, Генрих мог, не сдвигаясь с места, видеть сразу всю поверхность предмета. Например, если на дне, в слое ила, нежилась толстый карп, то у него можно было увидеть и живот, и спину одновременно. Это было даже не зрение, а, скорее, своеобразное ощущение предметов. Достаточно было немного приблизиться к предмету, как его можно было увидеть-почувствовать со всех сторон, даже понять структуру материала из которого он состоял. Позже, медитируя, Генрих понял природу этого «зрения».

Физическое тело видит предметы лишь как свет, который от них отражается и, преломляясь в хрусталике глаза, воздействует на его сетчатку. Попадая на сетчатку глаза свет, генерирует в зрительном нерве электрические импульсы, которые воспринимает и распознает мозг. Астральное тело не имеет нервов, а воспринимает только чистую информацию, но преподнести сознанию эту информацию оно может только в понятной для мозга форме. Поэтому эта информация дается в виде картинка, которую мог бы увидеть глаз, если бы у астрального тела были глаза. Когда Генрих погрузился в темноту озера, такая картинка стала неуместна. И астральное тело начало выводить информацию об окружающей среде, так, как это было бы понятно привыкшему к картинке мозгу. Это было интересно, можно было впоследствии научиться «видеть» по-разному, при любых обстоятельствах, и, наверное, не только предметы? Точно так же обстояло дело со звуками. Генрих, выходя из тела, прекрасно слышал все звуки, так же, как и в обычном теле. Лишь потом он понял, что, так как у астрального тела нет орга-

нов чувств, оно интерпретировало поступающую звуковую информацию в то, что он привык воспринимать. В сигналы, которые создавал бы звук, попадая в органы слуха.

В последующих медитативных размышлениях Генрих все больше понимал, насколько несовершенны человеческие органы чувств. И какие возможности открывались перед ним, если он научится воспринимать и правильно понимать информацию, которую может давать ему его астральное тело.

Но для начала нужно было отучить физическое тело реагировать на неожиданные моменты внетелесных путешествий. Генрих понял, что это основное препятствие для человека, и оно было вполне естественным. Подобно тому, как человек просыпается, если во время сна получает информацию об опасности, так же и при выходе, при малейшей тревоге, физическое тело «собирается», мгновенно втягивая в себя тело астральное. Собирается в бодрствующего, готового встретить опасность, человека. Нужно было как-то побороть этот инстинкт. Генрих медитировал и тренировался. Успехи были, но очень небольшие, продвижение было очень медленным. Генрих все больше склонялся к мысли, что победить инстинкт самосохранения не получится. Все равно он будет срабатывать на уровне неконтролируемого подсознания. Так уж устроен человек.

Глава 5. Астрал.

Что ж, если не удастся контролировать реакцию физического тела на информацию, то может тогда надо сделать так, чтобы оно не получило ее? Оба тела как-то связаны, что будет, если эту связь разорвать? Генрих долго медитировал, размышлял, и пришел к выводу, что если связь между физическим и астральным телами нарушить, то человек умрет. Люди издревле заметили, что жизнь утекает из тела через раны вместе с кровью. Смерть заключается в том, что астральное тело покидает физическое тело и рвет с ним связи. Случается обрыв связей по разным причинам. Например, физическое тело выработало свой ресурс и не может больше быть хорошей оболочкой, тогда душа покидает его – человек умирает от старости. А может физическое тело разрушить болезнь или травма, оно не удерживает астральное тело и связи рвутся.

Генрих понял, что этот закон ему не изменить, а, значит, надо обмануть свое тело. Он решил на время выхода из тела попробовать «забыть», что у него есть еще и тело физическое, попробовать «зациклить» получаемую информацию, чтобы она не уходила дальше астрального тела. Пусть накапливается, пусть крутится внутри астрального тела, а ввести ее и обработать можно и потом, когда выход закончится. Техника выхода Генриха подразумевала сначала медитацию, затем, уже в медитативном состоянии, он начинал следующий этап медитации – расслабление тела и вызов вибраций для выхода из тела. Теперь он решил добавить третий этап. После того, как он выйдет из тела, он решил начать еще одну медитацию, теперь уже настроенную на отречение от своего физического тела. Постараться настроиться на «зажимание» передачи информации от астрального тела – физическому. Он был уверен, что это безопасно, что обрыва связи между телами – смерти, не допустит подсознание, так как инстинкт самосохранения все равно сильнее. А вот «забыть» про физическое тело у него может получиться.

Генрих переместился на середину озера и завис в метре над темным зеркалом воды. В этом спокойном, безмолвном месте, он начал новую для себя медитацию. Генрих как бы «закрыв глаза» астрального тела – отбросил от себя всю окружающую информацию. В сознании образовалась удивительная тишина, а само тело, как будто растворилось в окружающем воздухе, и Генрих перестал чувствовать его границы. Он представлял себя частью пространства, маленькой, эфемерной частицей, вплетенной в ткань мироздания, бесконечного и многомерного. Он чувствовал, что окружающий его эфир не стоял на месте. Он жил, видоизменялся, колыхался, и вместе с ним жил Генрих, маленькая, незримая часть огромного астрального моря, существующего по своим, неподвластным человеческому разуму законам. Пространство вокруг Генриха безостановочно менялось. Его глубина раздвинулась до бесконечности, и из абсолютно черного мрака горизонтов на него брызнул холодный блеск далеких звезд. Звезды тоже не стояли на месте, они перемещались, двигались внутри бесконечно большой черной сферы, в центре которой находился Генрих. Маленькая астральная точка посреди огромного реликтового океана. Из ярких звезд, со всех сторон окружающих Генриха выросли тонкие лучи света, которые сошлись на точке его астрального тела, пересеклись и умчались вдаль, к противоположным краям бескрайнего мира. Точка астрального тела Генриха вывернулась наизнанку, концы лучей стали их началом, а звезды, породившие их, медленно угасли. Так же неторопливо возродились снова с другой стороны, испустили новые лучи, и все повторилось.

Это была нирвана. Контраст бесконечного мрака и блеска звезд. Абсолютный покой. Никаких эмоций, никаких раздражителей, никаких мыслей, ничего. Только чистое сознание. Вечность впереди, вечность позади, вечность вокруг... Тишина.

Вдруг появилось что-то. Это что-то было везде и нигде одновременно. Оно существовало, но было неосознано и непонятно. Оно крепло, нарастало и вдруг прошло по точке эфир-

ного тела Генриха какой-то упругой волной. Прокатилось, ушло в бесконечность и вернулось обратно в виде новой волны. Генрих ощутил, как бесконечная сфера вокруг него теряет свой черный мрак, он постепенно растворялся, и сквозь него проступили контуры деревьев, в которых он узнал клены, растущие на берегу озера. В тот же миг он услышал всхлипывания. Человек плакал, и в этом плаче слышалось безмерное горе мужчины, потерявшего единственного сына.

Генрих ощутил толчок возвращения, открыл глаза, успел заметить отца, сидящего на краю кровати, и тут же захлебнулся в нахлынувшем на него море ощущений. Это был как взрыв в голове, как селевой поток эмоций, сметающий все на своем пути. Тело его задрожало, напряглось, каждая клетка организма, получая свою порцию накопившихся ощущений, кричала и буйствовала. Генрих застонал, задыхаясь и хватая воздух ртом, как рыба, вытасненная из воды. Отец бросился к нему и схватил его за руки:

– Сынок! Мальчик мой! Ты очнулся! Доктора сюда, быстрее!

В комнату вошли несколько незнакомых людей и заплаканная фрау Марта. Один из докторов вытащил из саквояжа склянку с какой-то жидкостью, смочил кусок ваты и помазал виски Генриху. В воздухе резко пахло камфарой и еще какими-то лекарствами и травами. В голове и теле Генриха все бурлило и тряслось в ознобе. По телу прокатывались волны дрожи, казалось, волосы на голове шевелятся, зубы стучат, а все тело покрыто мурашками. Первую минуту Генрих не мог даже говорить. Постепенно это возбуждение начало спадать, дрожь утихала, а мысли начали упорядочиваться. Генрих, не поднимаясь, несколько раз глубоко вздохнул и сумел выговорить:

– Что произошло?

Отец держал его за руку. Он был небрит, волосы были растрепаны, а глаза красные:

– Я знал, что ты очнешься. Ты не можешь так просто взять и умереть, так ведь, мой мальчик? Ты напугал нас. Ты уже три дня лежишь без движения. Генрих поднялся и сел на кровати, потирая ослабшие и затекшие руки. Он посмотрел на отца и поспешил успокоить его:

– Все, все папа, я вернулся, я в порядке. Теперь со мной будет все хорошо. Я больше не заставлю вас волноваться. Отпусти докторов, я здоров, все нормально.

– Генрих! Что с тобой было? Ты спал так крепко, что мы с господином бароном не могли тебя разбудить! – фрау Марта все еще была встревожена – Мы не отходили от тебя все это время, а ты все спишь и спишь, мы просто не знали что делать! Что с тобой?

– Простите, ма, уверяю, этого больше не повторится. Спасибо вам за заботу, а сейчас мне нужно побыть одному, мне нужно подумать над тем, что случилось.

– Сынок, если ты сделал это намеренно, то прошу тебя, не делай так больше! Мы переживаем за тебя. – Отец обнял Генриха за голову и прижал к груди. Генрих чувствовал себя отвратительно, ему было стыдно перед близкими за то волнение, которое он причинил. Нельзя так обходиться с любящими людьми! И вдруг он понял. Понял, чем была та волна, которая накатилась и вернула его на этап, где он смог услышать свое тело. Эта волна была эмоциями убитого горем отца, которые проникли сквозь бесконечность и позвали его обратно. Только душа близкого, любящего человека смогла проникнуть в тот реликтовый мир, найти там астральное тело своего любимого сына и дать знать ему, что его ждут, что он нужен здесь. Генрих понял, любовь отца спасла ему жизнь. Если б у него не было в этом мире никого, кто смог бы его позвать, он так и остался бы в той черной бесконечности. Времени там не существовало, а так как связью с физическим телом он пренебрег, то он мог находиться в той нирване вечно. А физическое тело, оставшееся в этом мире постепенно бы угасло, связь, о которой Генрих так опрометчиво забыл, постепенно истлела и оборвалась, и Генрих бы умер в обывательском понимании. Хотя в его бы понимании ничего бы уже не случилось, он уже был в вечности. То, что пережил Генрих в этом выходе – была смерть. Генрих встретился с ней, взглянул ей в глаза, ощутил все ее величие и чудом сумел ее избежать. Этим чудом была отцовская любовь.

Любовь вообще была для Генриха загадочным чувством. Он много читал про нее, но она пока была ему недоступна и непонятна. Чувство мужчины к женщине, ребенка к матери, отца к сыну, все это обошло Генриха в жизни. Но он не сомневался, что со временем он сможет его испытать. Чувство, которое может победить саму смерть.

Генриху предстояло много обдумать, но погружаться даже в медитацию для размышлений ему, после происшедшего, не хотелось. Он вышел на улицу и пошел бродить по парку. Надо было размять тело, пролежавшее без движения трое суток. Вызванные фрау Мартой врачи, все эти три дня, пока он лежал без сознания, периодически делали ему массаж, чтобы не затекали конечности. После такого ухода Генрих смог свободно встать и идти. Нужно было привести в порядок ослабшее тело, и он занялся спортом. Пробежки вокруг озера, физические упражнения на свежем воздухе быстро вернули Генриху его форму и дали возможность поразмышлять над тем, что произошло во время последнего выхода. Он понял, как он рисковал, отказавшись от связи с физическим телом. По сути, он сам себя чуть не убил. Впредь этого нельзя было допустить, второй раз чуда может не произойти. Тогда как?

Глава 6. Таймер.

Еще Генриха очень заинтересовало место, в котором он побывал. Это было что-то не похожее на наш, земной мир. Что это было? Космос? Но за пределами Земли тоже есть время, а там где был Генрих, он его не чувствовал. Время как будто отсутствовало как измерение. И тут он понял... Так выглядит вечность! Если у вечности нет начала и конца, то, соответственно, нет и самого измерения, бесконечность нельзя измерить. Следовательно, два любых отрезка времени там будут равны. Минута может тянуться как год, а год мелькнет за секунду, в зависимости от того, как настроен сам наблюдатель, и для наблюдателя любые временные промежутки покажутся одинаковыми. Как и получилось для Генриха. Звезды, блеснув во мраке, забрали три дня времени реального мира, а если бы его не позвали, могли пройти тысячелетия, и Генрих этого бы даже не заметил. Опасное место. Что это и как его определить?

Генрих опять закрылся в комнате и погрузился в медитацию размышлять над информацией, которую ему дал последний выход.

Сложив в голове мозаику полученного знания, Генрих пришел к выводу, что идти на следующий уровень астрала можно, нужно только, чтобы через определенное время связь между астральным и физическим телом возобновилась. Как связь восстановится, физическое тело вернет его обратно в реальный мир. Сам восстановить эту связь Генрих не мог, так как собирался туда, где времени нет, и понятия «через определенное время» там не существовало. Значит, связь нужно было восстановить из реального мира. Требовался своеобразный будильник, таймер, который, отсчитав положенное время, дал бы физическому телу команду восстановить связь. Над этим нужно было работать и тренироваться.

Сначала Генрих приучил себя просыпаться в заданное время. Еще в детстве он заметил у себя эту особенность организма, когда нужно было утром просыпаться на рыбалку. Все самые яркие впечатления детства у Генриха были связаны с озером, раскинувшимся у подножия фамильного замка. Ослепительно белые лилии, свежесть и резкий запах тины, щучьи всплески, мальки, спасаясь от хищника, веером разлетаются по воде, и пары белых лебедей, величаво скользят по черному зеркалу озера. Хельмуту стоило только позвать Генриха, и они с радостью, наперегонки, бежали к берегу, раздеваясь на ходу, чтобы, пробежав по мосткам, с разбегу нырнуть в теплую, приветливую воду. Мальчишки купались, загорали, часами валяясь на нагретых солнцем, бревенчатых мостках. По утрам они часто ходили на рыбалку, это было их любимое увлечение. Просыпались до восхода солнца, еще затемно, собирались и шли по утренней росе на начинавшее пробуждаться озеро. Там проводили время до завтрака, выдергивая из черной воды, крепких, серебристых карасей и разноцветных, как радуга, голянов. Это было счастливое, беззаботное время. Еще тогда Генрих отметил у себя способность, когда нужно было идти на рыбалку, проснуться за минуту до того, как начнет дребезжать будильник. Он соскакивал с постели, выключал будильник, и почти не было случаев, когда звон помешал бы постояльцам спать. Ему нужно было лишь, когда ложился спать, думать о том, как проснется и пойдет на рыбалку, очень хотеть этого и с нетерпением ждать.

Вот и сейчас Генрих решил применить этот механизм для возбуждения в нужное время физического тела. Просыпаться он научился довольно быстро, в медитативном состоянии он давал себе установку на определенное время, затем прекращал медитацию и спокойно ложился спать. В определенное время таймер срабатывал, и Генрих просыпался. Причем, проснувшись, он несколько первых секунд не мог понять, почему он проснулся. Это означало, что он на верном пути, таймер работал на уровне подсознания и сработает, даже если Генрих перейдет на следующий уровень астрала. Но это все была теория, применить новое умение на практике Генрих опасался и все тренировался и шлифовал свой таймер, доводя его до совершенства.

Он выходил из тела, путешествовал по окрестностям и по «будильнику» возвращался обратно. Нужно было привить себе эту способность на уровень рефлекса, это было жизненно необходимо, да и очень удобно.

Еще один важный момент, на который Генрих сразу обратил внимание – было мгновенное возвращение астрального тела обратно в оболочку, если физическое тело возбуждалось. И это не зависело от расстояния, астральное тело перемещалось в долю секунды. Если на подъем за облака Генрих тратил минуту, поднимаясь, он обозревал окрестности, то возвращение было в миг, за который ничего заметить было невозможно. Генрих сделал логичный вывод, что если астральное тело может двигаться обратно с такой огромной скоростью, то значит, эта скорость может быть доступна при движении в любых направлениях? Нужно было тренироваться и тренироваться.

Через некоторое время он освоил перемещение астрального тела со скоростью близкой к той, с которой его втягивало физическое тело. Но получалось ее развивать только в пределах видимости. Генрих, оставив оболочку в кресле, вылетал из дома и, зависнув, намечал себе видимую цель, конечную точку, в которую он хотел переместиться. Затем концентрировался и «вбрасывал» себя в нее. Перемещение происходило почти мгновенно, но все равно не так, как возвращение. В долгих размышлениях на эту тему Генрих сделал вывод, что эти перемещения разные по природе. Когда он сам хотел перелететь из места в место, то он именно перелетал, покрывал это расстояние, перемещался, хоть и очень быстро. А когда его втягивало физическое тело, тут перемещение было другое. Он как бы исчезал в одном месте и тут же появлялся в теле, не пролетая это расстояние. Механизм этого явления он понял как проход через другое измерение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.